

УДК 351.746.1-051(477.74):343.1]«1939/1943»(045)

**Андрей САВИН,
Алексей ТЕПЛЯКОВ***

«Партия может ошибаться, а НКВД – никогда»¹. Сотрудники УНКВД по Одесской области на скамье подсудимых (1939–1943 гг.)

Исследуется деятельность сотрудников УНКВД по Одесской области в период «Большого террора», их дальнейшая судьба. Указывается, что осуждение сотрудников госбезопасности оставалось внутриведомственным процессом и не приводило к отмене приговоров в отношении подавляющего большинства тех дел, которые провели осуждённые чекисты.

Ключевые слова: «Большой террор», Одесская область, сотрудники государственной безопасности.

Поздней осенью 1938 г. новый народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия начал широкую чистку среди сотрудников НКВД СССР. Главным методом «бериевской» чистки было увольнение по обвинению в «нарушении социалистической законности». Всего за 1939 г. из органов государственной безопасности было уволено 7372 чел., т. е. почти четверть (22,9%) всех оперативных сотрудников. Из них было арестовано 973 чел. Если же учитывать аресты конца 1938 г., также осуществлённые в рамках «бериевской» чистки, то число оперативных сотрудников, арестованных за «нарушение социалистической законности», увеличится до 1364 чел.² На скамье подсудимых главным образом, оказался руководящий состав органов гос-

* *Тепляков Олексій Георгійович*, кандидат історичних наук, доцент кафедри філософії та гуманітарних наук Новосибірського державного університету економіки і управління, докторант Новосибірського національного дослідницького державного університету; *Савін Андрій Іванович*, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник сектору історії суспільно-політичного розвитку Інституту історії Сибірського відділення РАН.

¹ В заголовке приведено высказывание Я. И. Берензона, одного из осуждённых сотрудников УНКВД по Одесской области. См. ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 3. арк. 109 зв.

² *Petrow N. Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939 // Stalinscher Terror 1934–1941. Eine Forschungsbilanz. Hrsg. von W. Hedeler. – Berlin, 2002. – S. 31.*

безопасности – начальники краевых и областных управлений, оперативных отделов и отделений³. Эту чистку Н. В. Петров охарактеризовал как

«первую кадровую революцию в органах государственной безопасности, направленную на радикальное обновление их личного состава»⁴.

В настоящем исследовании, опираясь на материалы архивно-следственных и личных дел ряда сотрудников УНКВД по Одесской области, арестованных в 1939–1941 гг., а также на документы судебных процессов над ними, предпринимается попытка сформулировать и обосновать научную гипотезу о том, что же послужило главной причиной широкой чистки чекистских кадров сразу же после завершения массовых операций НКВД 1937–1938 гг. и какую роль сыграла эта чистка в контексте взаимоотношений между коммунистической партией и тайной полицией, а также между властью и обществом в целом.

Одесса и Одесская область: специфика региона в контексте массовых репрессий

Специфика проведения массовых операций НКВД СССР 1937–1938 гг. задавалась, в первую очередь, как географическо-хозяйственными особенностями регионов СССР, так и наличием на территории этих регионов различных социальных и этнических групп населения, являвшихся объектами карательных действий органов тайной полиции. Интенсивность репрессий, как правило, была выше в промышленных регионах, чем в сельскохозяйственных, в приграничных областях – чем во внутренних районах страны, в городах, в которых располагались «режимные» объекты военной промышленности – чем в местах расположения «обыкновенных» предприятий. Усилению

³ Для осознания масштабов «бериевской» чистки следует сравнить её с чисткой «ягодинцев», осуществлённой Н. И. Ежовым: с октября 1936 г. по середину августа 1938 г. было арестовано 2273 сотрудника ГУГБ НКВД СССР, в т. ч. 1862 – за «контрреволюционные преступления и 411 – за уголовные. См. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. – С. 501; *Petrow N.* Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939. – S. 29.

⁴ *Petrow N.* Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939. – S. 31.

репрессий также способствовало наличие «спецконтингентов» и «враждебных» этнических групп, которым отводилась роль потенциальной «пятой» колонны. В случае наложения этих факторов друг на друга карательный эффект неизбежно мультиплицировался⁵. Город Одесса и Одесская область обладали практически всем набором факторов, обуславливавших интенсивные и масштабные репрессии, что и подтвердилось на практике. Некоторые первичные исследования уже проведены украинскими учёными⁶.

Согласно оперативным планам НКВД УССР по изъятию кулаков и уголовников по первой и второй категориям, составленным в середине июля 1937 г., Одесской области отводилась только пятая строка среди семи областей Украины и Молдавской АССР: по имевшимся ориентировочным данным, по «первой категории» здесь подлежали аресту и расстрелу 310 кулаков и 90 уголовников, а по второй должно было быть осуждено 1000 кулаков и 400 уголовников⁷. Но в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. для Одесской области были установлены новые, более высокие, лимиты репрессий, которые неоднократно повышались в результате циничного

⁵ Подробнее см.: *Савин А.И.* Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI век. – № 3. – 2012. – С. 40–61.

⁶ *Петровський Е.* Методи слідства в період масових репресій 1937–1938 рр. на Одещині // Південний Захід. Одесіка. – 2006. – № 1. – С. 101–119; *Його ж.* Українці як об'єкт репресій органів НКВС на Одещині в 1937–1938 рр. // Там само. – 2007. – № 4. – С. 108–121; *Бажан О., Лошицький О.* Апогей «Великого терору» на Одещині (1937–1938 рр.) // Там само. – 2007. – № 3. – С. 162–174; *Бажан О.* Каральні заходи НКВС проти етнічних меншин Одещини в часи «великого терору» // Там само. – 2011. – № 11. – С. 116–145; *Його ж.* «Великий терор» на Одещині: соціальні, етнічні та регіональні аспекти // Там само. – 2012. – № 14. – С. 181–210; *Його ж.* Реалізація директиви НКВС № 00439 на Одещині (1937–1938) // Там само. – 2013. – № 16. – С. 121–127; *Бажан О., Золотарьов В.* Керівний склад УНКВС Одеської області доби «єжовщини» // Там само. – 2015. – № 19. – С. 124–75. Реабілітовані історією. Одеська область. Кн. 1 / Упоряд. Л. В. Ковальчук, Е. П. Петровський. – Одеса: АТ «ПЛАСКЕ», 2010. – 800 с.

⁷ См. «Через трупы врага на благо народа»: «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг. В 2-х т. – Т. 1. 1937–1938. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 74.

торга между центром и периферией. В результате завершение первого этапа операции по приказу № 00447 одесские чекисты встретили 1 января 1938 г. на четвёртом месте по Украине (9650 чел. репрессированных) – вслед за Донецкой, Киевской и Харьковской областями⁸. Приблизительно равное соотношение осуждённого городского (4194 чел.) и сельского (5456 чел.) населения показывает, что сотрудники областного управления НКВД приняли самое активное и непосредственное участие в массовой операции⁹. В 1938 г. массовые операции были продолжены, хотя операция по приказу № 00447 постепенно сворачивалась, уступая место операциям по национальным «линиям». На 1 февраля 1938 г. на оперативном учёте в УНКВД по Одесской области состояло 5277 чел. – первые кандидаты на арест.

С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. в рамках всех массовых операций по Одесской области было осуждено 4868 чел., из них 4080 – по первой категории; в том числе по приказу № 00447 – 3400 чел., из них 3394 к смертной казни¹⁰. Общее число жертв, осуждённых в рамках операции № 00447, составило по Одесской области 13 054 чел., из них 7044 было приговорено к расстрелу¹¹. В свою очередь, с середины сентября по середину ноября 1938 г. особые тройки активно осуждали лиц, ранее арестованных в рамках «национальных» операций. Так, одесские чекисты арестовали с 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. 7192 чел., причём, на этом аресты не прекратились. Итог массовых операций по Одесской области составлял, очевидно, не менее 20 тыс. чел., расстрелянных или отправленных в лагерь.

Таким образом, главный удар НКВД в Одесской области был, как и в целом по Советскому Союзу, нанесён по рядовому населению. Тем не менее, численность пострадавших коммунистов также была высокой. В справке, представленной 7 января 1938 г. в НКВД СССР, начальник УНКВД Фёдоров сообщал, что

⁸ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 1. – С. 245.

⁹ В целом по УССР соотношение жертв из городской и сельской местности было ровно 1:2 (27.714:55.408). См.: Там же. – С. 319.

¹⁰ Там же. – С. 143.

¹¹ Там же. – С. 385.

по Одесской области с июня по декабрь 1937 г. было арестовано 562 члена ВКП(б) из «правотроцкистского подполья», в том числе 1-й секретарь обкома Е. И. Вегер, 2-й секретарь обкома Ф. Я. Голуб, председатель облисполкома П. Д. Бойко, секретарь горкома С. Ф. Самойленко, председатель горсовета А. Ф. Довбыш, а также 20 секретарей горкомов и райкомов партии, 12 заведующих отделами обкома партии, областной прокурор и его заместитель по спецделам, редакторы газет, ряд директоров МТС и других руководящих работников¹². В 1938 г. разгром Одесской партийной организации продолжился. С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. УНКВД по Одесской области арестовало 213 троцкистов и правых, 27 участников военно-фашистского заговора, 44 меньшевика, 15 бундовцев, 96 эсеров, 29 анархистов и 119 сионистов¹³. Подавляющее большинство из этих 545 людей были к моменту ареста членами ВКП(б). Части из них было суждено пережить «Большой террор», выйти на свободу уже в 1939 г. и сыграть значительную роль в кампании по восстановлению «социалистической законности».

Управление НКВД по Одесской области в преддверии и в годы «Большого террора»

Среди руководителей УНКВД по Одесской области преобладали опытные оперативные работники с большим стажем. Аппарат Одесского УНКВД к началу «Большого террора» состоял из креатур многолетнего руководителя ОГПУ–НКВД УССР В. А. Балицкого. Неожиданное падение Балицкого, близко связанного с арестованным командармом И. Э. Якиром, означало переход от относительной кадровой стабильности к двум годам непрерывных ротаций, затронувших как все руководящие кадры республиканского наркомата, так и многих рядовых работников. Новые наркомы внутренних дел Украины И. М. Леплевский и А. И. Успенский относились к активистам террора и подвергали широким репрессиям также и аппарат самого НКВД УССР,

¹² Черушев Н. Удар по своим: Красная Армия: 1938–1941 гг. – М.: Вече, 2003. – С. 403–404.

¹³ «Через трупы врага на благо народа».... – Т. 2. – С 148.

который якобы оставался неблагонадёжным после ареста Балицкого. В годы «Большого террора» Одесским областным управлением НКВД руководил ряд опытных чекистов, быстро сменявших друг друга. Кадровая чехарда была связана с массовыми чистками в аппарате НКВД УССР после следовавших примерно с равными промежутками арестов наркомов внутренних дел республики В. А. Балицкого (июль 1937 г.), И. М. Леплевского (апрель 1938 г.) и бегством А. И. Успенского (ноябрь 1938 г.). В связи с этим, за два года в аппарате НКВД УССР сменилось, включая исполняющих обязанности, 11 заместителей наркома внутренних дел и столько же начальников наиболее крупного в то время оперативного отдела – контрразведывательного. При И. М. Леплевском было арестовано более 200 сотрудников госбезопасности, а А. И. Успенский только с 15 февраля по 5 апреля 1938 г. организовал увольнение из системы УГБ НКВД УССР 558 чел., из которых 154 арестовали¹⁴.

В Одесском УНКВД за полтора года, начиная с лета 1937 г., сменились следующие начальники управления: А. Б. Розанов, Г. А. Гришин-Клювгант (врид), Н. Н. Фёдоров, Д. Д. Гречухин, П. П. Киселёв и С. И. Гапонов (врид). Старый украинский чекист А. Б. Розанов (Розенбардт) после двух лет работы в УНКВД по Одесской области был в июне 1937 г. освобождён от должности, вскоре арестован как принадлежавший к окружению Балицкого и расстрелян.

С июля 1937 г. по февраль 1938 г. УНКВД по Одесской области возглавлял бывший начальник пограничного отряда в Ленинградской области, полковник, потом комбриг, Н. Н. Фёдоров, назначенный по инициативе бывшего командующего пограничными войсками ОГПУ–НКВД СССР М. П. Фриновского, ближайшего помощника Ежова¹⁵. Фёдоров оказался настолько активным проводником террора, что с приходом Успенского был переведён из Одессы на должность руководителя Киевско-

¹⁴ Золотарьов В.А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харків: Фолио, 2004. – С. 165–166.

¹⁵ Золотарьов В., Бажан О. Комбриг Микола Федоров: одеський трамплін в кар'єрі // Південний Захід. Одесіка. – 2007. – № 4. – С. 202–219.

го УНКВД, а вскоре был взят Ежовым на работу в центральный аппарат НКВД, где 20 ноября 1938 г. был арестован и в феврале 1940 г. расстрелян. Из 100 руководящих чекистов Украины при Успенском ни один к моменту бегства наркома из Киева не остался в прежней должности, и только 21 из них сохранил за собой руководящие посты в НКВД УССР. Среди арестованных и расстрелянных по обвинению в заговорщицкой деятельности можно также назвать начальника (в феврале–августе 1937 г.) КРО УНКВД по Одесской области В. Л. Писарева-Фукса¹⁶.

К моменту отзыва Фёдорова (на конец февраля 1938 г.) его заместителем в УНКВД был М. Б. Спектор, помощником – Е. Г. Сквирский, начальником КРО – А. Г. Шнайдер (и. о.), начальником СПО – В. Ф. Калюжный, начальником Особого отдела – Б. С. Глузберг, начальником Оперативного отдела – П. М. Житомирский. Из всей верхушки Одесского управления с карьерой повезло только Спектору – Берия сохранил его в системе особых отделов, и он, выйдя на пенсию в 1946 г., дожил до 1985 г. Сквирский был вскоре понижен в должности, но избежал репрессий, выслужил чин полковника и дожил до 1971 г. Зато Глузберга арестовали уже в марте 1938 г. как одного из доверенных людей прежнего наркома Леплевского и в сентябре расстреляли как участника «террористической шпионско-диверсионной организации». Житомирский был арестован в феврале 1938 г., но в марте следующего года освобождён. Недавний рядовой оперативный работник А. Г. Шнайдер в августе 1938 г. был взят Н. Н. Фёдоровым в систему Особого отдела НКВД СССР, но уже 27 сентября 1938 г. оказался арестован и в апреле 1941 г. был осуждён на 6 лет заключения¹⁷.

На место Фёдорова в Одессе был назначен работавший с Успенским в Сибири опытный чекист Д. Д. Гречухин, который полностью воспринял установки Ежова, данные в начале 1938 г.

¹⁶ *Золотарьов В.А.* Олександр Успенський. – С. 67; *Тумшиц М.А., Золотарёв В.А.* Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического справочника. – Самара, 2012. – С. 297.

¹⁷ *Тумшиц М.А., Золотарёв В.А.* Евреи в НКВД СССР... – С. 356–357, 352, 138, 456, 400; *Золотарьов В.А.* Олександр Успенський. – С. 66, 176, 292.

новому руководству НКВД Украины: до 80% украинцев являются буржуазными националистами, а все местные немцы и поляки – шпионами и диверсантами¹⁸. Продолжая раскручивать маховик террора, Гречухин заслужил благосклонность Успенского и уже в мае 1938 г. был выдвинут в заместители наркома. На его место в Одессе был назначен типичный для того времени выдвиженец П. П. Киселёв, бывший начальник Отдела оперативной техники НКВД УССР. С 28 мая 1938 г. он возглавил Одесское УНКВД и оказался в числе деятельных проводников и организаторов террора. Сразу после бегства Успенского, уже 15 ноября 1938 г., П. П. Киселёв был арестован и вскоре расстрелян. С ноября 1938 г. по январь 1939 г. обязанности начальника управления исполнял С. И. Гапонов. Из всей плеяды начальников УНКВД по Одесской области периода «Большого террора» только Гапонову удалось избежать расстрела и выйти на свободу¹⁹.

**Селекция и наказание: кампания по восстановлению
«социалистической законности» в Одесской области
через призму архивно-следственных и
личных дел чекистов**

Вопрос о том, каким образом производилась селекция сотрудников государственной безопасности, оказавшихся на скамье подсудимых по обвинению в «нарушении социалистической законности», является во многом ключевым для адекватной интерпретации «бериевской чистки». Несомненно, часть из них обратила на себя внимание собственного руководства и прокуратуры, нарушая прямые приказы Москвы, например, существенно превысив заданные лимиты или продолжив приводить в исполнение расстрельные приговоры троек уже после завершения массовых операций. Кто-то выделялся на общем фоне «применения методов физического воздейст-

¹⁸ Золотарьов В. А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та долі (1919–1941). – Харків, 2003. – С. 299.

¹⁹ См. ниже раздел статьи, посвящённый непосредственно С. И. Гапонову.

вия» крайним садизмом, вплоть до собственноручного убийства подследственных. Но основная масса осуждённых сотрудников НКВД всё же попала под суд другим путём – в результате жалоб выживших и освобождённых жертв.

Таких было мало среди лиц, осуждённых решениями троек и двоек, кроме того, как сами жертвы «кулацкой» и «национальных» операций, так и их родственники, мало что знали о материалах следствия и предъявленных обвинениях, а жалобы из лагерей заключённых, избежавших «первой категории», равно как и их близких, как правило, оставались без ответа. Тем более, что, согласно циркуляра прокурора СССР А. Я. Вышинского от 17 апреля 1938 г., прокуратуре приказывалось проводить проверку правильности осуждения лиц на основании приказов НКВД №№ 00447, 00485 и т. п. лишь «в исключительных случаях». Обычно же жалобщикам следовало отвечать, что решение окончательное и дела пересматриваться не будут²⁰.

Таким образом, оставалась лишь одна небольшая группа жертв «Большого террора», обладавших в советском государстве и обществе положением, связями, весом, сплочённых корпоративными интересами. Как правило, эти жертвы провели под арестом не один месяц, были хорошо осведомлены о нюансах следствия, а массовое освобождение из-под стражи в конце 1938–1939 гг. позволило им добиваться справедливости и требовать осуждения истязавших их чекистов. Речь идёт, главным образом, о членах коммунистической партии, представителях советских политических элит. Именно их жалобы, их стремление к реабилитации определили главный круг обвиняемых на судебных процессах против чекистов в рамках бериевской чистки НКВД.

Сразу же следует отметить, что факт применения пресловутых «мер физического воздействия» мог являться и являлся на деле одним из основных пунктов обвинения по отношению к арестованным чекистам, но не мог быть главным критерием для отбора «козлов отпущения», поскольку в той или иной степени издевательства и пытки в отношении подследственных

²⁰ «Через трупы врага на благо народа»... – Т. 2. – С. 41–42.

практиковал весь аппарат органов госбезопасности²¹. Знаменитая сталинская телеграмма от 10 января 1939 г. оправдывала принцип пыточного следствия, а многочисленные показания чекистов, и не только Украины, свидетельствуют, что конец истязаниям подследственных не положило даже постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.

Согласно данным внутренней статистики НКВД, по состоянию на 17 ноября 1938 г. в следственном производстве органов НКВД Украины находились дела на 15 143 арестованных. Кроме того, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.», на доследование были возвращены дела на 10 808 чел., переданных на осуждение тройкам и Особому совещанию при НКВД СССР. Таким образом, чекистам предстояло доследовать дела почти на 26 тыс. чел. К 11 февраля 1939 г. по Украине были рассмотрены дела на 10 130 чел., из них прокуратуре были переданы на предмет освобождения дела на 3441 чел. По Одесской области к 11 февраля 1939 г. были рассмотрены дела на 1106 чел., из них прокуратуре на предмет освобождения чекисты передали дела на 178 чел. Кроме того, Одесскому УНКВД предстояло доследовать дела в отношении ещё 1030 чел.²² В конце 1938–1939 гг. в НКВД Украины было освобождено около 20%, возможно даже до 30%, жертв массовых операций, которых от приговоров внесудебных инстанций спасло постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17

²¹ В первую очередь речь идёт о таких функциональных пытках, как «выстойки» и «высидки», являвшихся разновидностью «конвейера» и призванных вынудить подследственных дать требуемые чекистами сведения и признания.

²² ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 49, арк. 93–96. С. И. Гапонов в своём заявлении от 14 декабря 1940 г. военному прокурору войск НКВД П. В. Лехову писал, что «по приезде в Одессу пришлось столкнуться с огромным количеством дел»: за Секретно-политическим отделом УНКВД числилось 970 подследственных, за областным управлением в целом – 3500 подследственных. По утверждению Гапонова, «за время моей восьмимесячной работы» было освобождено «свыше двухсот лиц неправильно и без основания содержащихся под стражей. Арестовано же было не более 25 человек». См.: ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 244–247; т. 3, арк. 12.

ноября 1938 г. Среди лиц, выпущенных на свободу, была высока доля бывших членов ВКП(б).

В нашем распоряжении имелись материалы трёх архивно-следственных дел в отношении восьми сотрудников УНКВД по Одесской области, осуждённых в 1939 и в 1943 гг. по обвинениям в «нарушении соцзаконности». По этим делам проходили два начальника Секретно-политического отдела (СПО) областного управления – В. Ф. Калюжный и С. И. Гапонов (причём Гапонов достаточно длительное время исполнял обязанности начальника Одесского УНКВД), а также шестеро их подчинённых – Д. Б. Кордун, Е. А. Абрамович, Я. И. Берензон, Н. М. Тягин, В. А. Машковский и А. Е. Гнесин. В отношении Калюжного и Тягина были заведены индивидуальные дела, Кордун, Абрамович, Берензон, Машковский и Гнесин проходили в качестве обвиняемых по делу Гапонова. Помимо следственных дел, мы также располагали личными делами Машковского и Гнесина. Эти восемь человек были не единственными сотрудниками УНКВД по Одесской области, изгнанными из УГБ или осуждёнными в ходе «бериевской чистки»²³, однако мы полагаем, что материалы их дел тем не менее являются репрезентативным источником для изучения кампании по дисциплинированию НКВД, поскольку СПО был одним из главных оперативных отделов органов госбезопасности.

В полном соответствии с нашей рабочей гипотезой о том, что преимущественно на скамье подсудимых оказались чекисты, имевшие дело с репрессиями в отношении членов ВКП(б), четверо из восьми осуждённых одесских чекистов (Кордун, Абрамович, Берензон и Гнесин) были сотрудниками 1-го отделения 2-го отдела (СПО), отделения, в задачу которого входило

²³ Так, например, были осуждены сотрудники 3-го (Контрразведывательно-го) отдела И. Е. Рыбаков, Б. И. Раев, Я. В. Зислин во главе с начальником отдела А. Г. Шнайдером; с 1939 г. был под следствием начальник отделения КРО Ф. С. Орловский-Гороховский. Известно, что Рыбакову, осуждённому к расстрелу, решением комиссии ЦК ВКП(б) по судебным делам от 11 июля 1941 г. ВМН была заменена 10 годами заключения с отправкой на фронт. Аналогичная судьба постигла Зислина. Раев был осуждён к 10 годам заключения. *Сведения А. Н. Жукова (Москва).*

ло оперативное «обслуживание» лиц, связанных с коммунистической партией. Исключение среди чекистов, проходивших по делам Калюжного и Гапонова, составлял младший лейтенант ГБ, помощник начальника 6-го («церковного») отделения Секретно-политического отдела УНКВД по Одесской области В. А. Машковский и начальник 2-го отделения СПО Н. М. Тягин, чьё отделение занималось преимущественно борьбой с эсерами, меньшевиками, анархистами, бундовцами и сионистами.

**Владимир Машковский и Николай Тягин:
случайный выбор или целенаправленная
селекция «козлов отпущения»?**

Каким же образом эти два чекиста оказались в кампании своих коллег из первого («партийного») отделения СПО? Машковский фактически «руководил отделением по церковникам», лично «вскрыл и ликвидировал контрреволюционную церковно-фашистскую организацию с областным центром, имеющим связь с РОВС», по этому делу «кулацкой» тройкой было осуждено 56 чел.²⁴ Всего с 1 января 1938 г. он провёл самостоятельное следствие в отношении 138 чел., к октябрю эта цифра достигла 180, все они были осуждены²⁵. Тягин, сотрудник органов с 1923 г., в 1937 г. «вёл работу по борьбе с немецкой контрреволюцией и руководил работой периферийных органов по этой линии». Всего по делам «немецких организаций» под непосредственным руководством Тягина было арестовано 545 чел., все они были осуждены тройкой, из них 374 чел. – к расстрелу. В 1937 г. Тягин также принимал участие в следствии по правотроцкистскому и украинско-социалистическому подполью, в результате 16 чел. были осуждены к расстрелу²⁶. В 1938 г., будучи начальником 2-го отделения, Тягин «лично вскрыл подпольные контрреволюционные комитеты сионистско-шпионской, меньшевистско-террористическо-шпионской и дашнакской тер-

²⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 2041, арк. 1, 11–12.

²⁵ Там само, арк. 19–21.

²⁶ Там само, спр. 38299, арк. 356–358.

рористической шпионской организацией». По «сионистам» было осуждено 71 чел., по меньшевикам – 21, по дашнакам – 34 чел. Кроме этого, им была «вскрыта и ликвидирована анархистская организация» в составе 13 чел., причём все они были осуждены²⁷.

Если бы деятельность Машковского и Тягина ограничилась в 1937–1938 гг. только «церковниками» и «сектантами», а также «немецкими контрреволюционерами», дашнаками и анархистами, то они, скорее всего, счастливо бы избежали бериевской чистки и продолжили свою карьеру в органах государственной безопасности. К несчастью для обоих активистов, в числе их подследственных оказались бывшие коммунисты, вышедшие в 1939 г. на свободу. Машковского привлекли к допросам по так называемому «делу КПК», по которому были арестованы и осуждены члены Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по Одесской области, большинство из которых было расстреляно²⁸.

Причины того, почему на скамье подсудимых оказался Тягин, причём в числе первых одесских чекистов, не столь однозначны, как у Машковского. Тягина арестовали 19 апреля 1939 г. по обвинению в разглашении методов работы НКВД и фабрикация дел. Кроме этого, Тягин лично провёл и закончил следствие «на существовавшую в облуправлении НКВД контрреволюционную троцкистско-террористическую группу в составе 7 чел.».

За этой формулировкой скрывались репрессии против чекистов-евреев, сверхпропорционально представленных в НКВД Украины, особенно среди руководящего состава²⁹.

Тем не менее, в случае с Тягиным, пусть не так чётко, также прослеживается «партийный» след. В 1938 г. в Украине произошло смещение центра тяжести репрессий с карательных акций в отношении кулаков и уголовников на репрессии в отношении «других антисоветских элементов», в частности – членов антисоветских партий эсеров, меньшевиков, анархистов,

²⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38299, арк. 356–358.

²⁸ О «деле КПК» см. ниже.

²⁹ Шаповал Ю., Золотарьов В. Євреї в керівництві органів ДПУ–НКВС УСРР–УРСР у 1920–1930-х рр. // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. – 2010. – № 1. – С. 53–93; ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 1, арк. 287–288.

бундовцев, сионистов. Аресты в июне–июле 1938 г. эсеров, сионистов и бундовцев вылились в очередные репрессии против одесских коммунистов. Часть обвиняемых по сфабрикованным делам эсеровской, бундовской и сионистских организаций в Одессе была освобождена в 1939 г. и выступила с обвинениями в адрес сотрудников УНКВД по Одесской области, в частности, Н. М. Тягина³⁰. Машковский и Тягин оказались на скамье подсудимых главным образом потому, что против них были выдвинуты обвинения в «нарушении социалистической законности» в отношении представителей советских партийно-государственных элит.

Чекисты «под огнём» партийных функционеров: дело КПК

«Дело КПК», сыгравшее роковую роль в судьбе одесских чекистов-«перегибщиков», чекисты начали фабриковать после того, как в конце января 1938 г. областное управление НКВД посетил секретарь Комиссии партийного контроля (КПК) по Одесской области Г. И. Самарин и, проверяя дела партийной организации управления, потребовал отчёта от парторга УНКВД и начальника СПО В. Ф. Калюжного³¹. Дело было в том, что с конца 1937 г. в областную КПК стали поступать «сигналы» о грубых нарушениях чекистами революционной законности, в том числе от начальника 5-го отделения Дорожно-транспортного отдела НКВД Одесской железной дороги лейтенанта ГБ И. А. Зеликова³². Зеликов, в частности, заявил, что, как чекист, не может сказать всего, но как коммунист

«считает своим долгом поставить в известность КПК о неблагоприятии в Одесском УНКВД, с тем, чтобы Вы заглянули туда».

Заявление Зеликова было отправлено в партколлегию компартии Украины, но чекисты, узнав о попытке контроля над ними, приняли свои меры. «Предатель» Зеликов не позднее мая 1938 г.

³⁰ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 2, арк. 38–45.

³¹ Там само, спр. 03424, т. 2, арк. 138.

³² Там само, спр. 38580, т. 3, арк. 1–2.

был арестован. Его освободили только к апрелю 1939 г., после чего Зеликов был уволен в запас и переехал в Запорожье³³. Как позднее показал ещё один фигурант по делу КПК,

«бывший секретарь партколлегии Самарин неоднократно разговаривал по этому делу с Федоровым, облуправление НКВД знало, таким образом, о всех сигналах, поступавших в КПК, и о мероприятиях, намечавшихся и предпринимавшихся в направлении проверки их»³⁴.

Реакция чекистов на потенциальную угрозу была молниеносной и убийственной. 4 февраля 1938 г. Я. И. Берензон завёл агентурное дело «Нетронутые» на Г. И. Самарина, вслед за чем Калюжный получил от начальника УНКВД Фёдорова санкцию на арест Самарина и ряда уполномоченных КПК. По делу «Нетронутые», кроме Самарина, были также арестованы Канфер-Беркович, Г. А. Александров, А. М. Агранский, В. Ф. Сороковик, А. А. Иванов, Ф. Ф. Васюренко. Аресты работников КПК были проведены в феврале 1938 г., после чего

«никого из работников КПК даже не пускали в Обл[астное] УНКВД, мотивируя тем, что в КПК засилье врагов народа»³⁵.

После продолжительного следствия все они были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР как члены троцкистской группы: Самарин был приговорён 23 сентября 1938 г. к расстрелу, такая же судьба постигла 10 октября 1938 г. Александрова, Агранского, Канфер-Берковича и Сороковика. Иванова и Васюренко осудили к 15 годам лагерей.

Если бы «дело КПК» ограничилось только арестом и осуждением этих людей, то чекистам очевидным образом не пришлось бы впоследствии отвечать перед судом на самые неприятные вопросы, поскольку обвиняемые были своевременно осуждены, расстреляны или находились в лагерях. Но 29 мая 1938 г. по требованию секретаря обкома партии Г. Г. Телешова был арестован ещё один следователь КПК – С. Я. Шпак. Шпак выдержал 14-месячное следствие, сумел выжить, был освобождён

³³ Сведения А. Н. Жукова (Москва).

³⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 149–157.

³⁵ Там само, арк. 244 зв.

в сентябре 1939 г. и развил активную деятельность, направленную на изобличение

«шайки врагов, которая методами “гестапо” фабрикует “липовые” к-р организации и превращает честных большевиков во “врагов”»³⁶.

Шпак стал настоящим кошмаром для чекистов и находкой для следствия, которое на тот момент уже велось в отношении бывшего начальника СПО УНКВД по Одесской области Калужного. Квалифицированный свидетель, он имел возможность в процессе длительного нахождения под стражей общаться фактически со всеми высокопоставленными партийными функционерами, находившимися в тот момент под арестом, и мог свидетельствовать от их имени против следователей НКВД. После освобождения Шпак использовал все свои связи в партии, чтобы первоначально добиться если не осуждения, то хотя бы увольнения и исключения из партии наиболее одиозных сотрудников УНКВД. Его резкая критика ограничивалась «гнилыми» фальсификаторами из НКВД, не затрагивала систему и не ставила под сомнение необходимость репрессий в целом в отношении врагов советской власти.

В этом С. Я. Шпак был далеко не одинок. В производстве 1-го отделения СПО УНКВД по Одесской области к ноябрю 1938 г. находилось несколько дел, сфабрикованных в отношении ряда высокопоставленных партийных функционеров Одессы, следствие по которым ещё не было закончено. В итоге обвиняемые были освобождены в конце 1938–1939 гг. и выступили с обвинениями в адрес НКВД. Речь идёт о деле работников областного финансового отдела во главе с его бывшим начальником И. Ф. Сенкевичем³⁷, деле работников газет «Черноморская коммуна» и «Большевицкое знамя» во главе с бывшим заведующим отдела культуры «Черноморской коммуны» М. С. Эйдельманом³⁸, а также о делах бывшего заведующего оргколхозным

³⁶ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 244 зв.

³⁷ Был исключён из партии 21 июня 1938 г., арестован 2 июля 1938 г., освобождён спустя год, 4 июля 1939 г.

³⁸ Арестован 8 августа 1938 г., освобождён в июле 1939 г.

сектором Одесского областного земельного отдела М. Б. Баргера³⁹, бывшего председателя Одесского горсовета и депутата Верховного Совета СССР И. И. Черницы, бывшего уполномоченного коммерприбора Одесской области И. Ф. Якубица⁴⁰, бывшего инструктора руководящих органов Одесского обкома КП(б)У А. А. Киценко, бывшего заместителя заведующего Одесского областного собеса Я. Д. Бранта⁴¹, директора пединститута А. О. Луненок⁴² и ещё целого ряда коммунистов среднего и высшего областного звена.

Эти коммунисты в своих письмах, заявлениях и показаниях предоставили следствию массу подробных сведений о «нарушении» сотрудниками НКВД «социалистической законности», которые те, в свою очередь, не могли игнорировать и были вынуждены всячески оправдываться. К подследственным в Одессе применялся практически весь арсенал методов следствия массовых операций – многочасовые «выстойки» и «высидки», «конвейерные» допросы, избиения, матерная ругань, им плевали в лицо, кричали в уши, тушили о тело сигареты, стряхивали за шиворот горячий пепел, лишали еды и воды, запугивали, применяли провокации, шантажировали, угрожали родным и близким, использовали показания штатных свидетелей, в том числе из числа агентов и осведомителей, симулировали расстрелы и т. д.

Но важнее сведений о пытках в заявлениях освобождённых партийцев были свидетельства, которые описывают сотрудников НКВД как лиц, утративших всякие представления о своём реальном месте в иерархии коммунистической власти, уверовавших в свою непогрешимость, фактически возомнивших себя стоящими не только выше формальной законности в лице конституции и прокуратуры, но и партийных органов, старавшихся всячески дискредитировать и «подмять» партию, фактически

³⁹ Содержался под стражей с 6 июля 1938 г. по 4 ноября 1939 г.

⁴⁰ Был арестован в здании Одесского обкома КП(б)У 15 июня 1938 г.

⁴¹ Был арестован 16 июля 1938 г., освобождён из-под стражи 14 января 1939 г.

⁴² Был арестован 10 июня 1938 г.

поставив себя – вне всяческого контроля – над правящей системой. Бывший подследственный Н. А. Мосалев показал о следователе Берензоне:

«При моих ссылах на решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) Берензон ответил “подотрись”»⁴³.

Арестованному «газетчику» Теплицкому на просьбу о свидании с прокурором следователь Абрамович показал на свой половой орган и заявил:

«Вот тебе прокурор», а потом добавил: «Имей в виду, мы не прокуратура и в зубы не смотрим»⁴⁴.

Баргеру следователи неоднократно говорили:

«Что ты сидишь как поц, это тебе не обком», «Фашист, это тебе не обком», «НКВД – не богадельня»⁴⁵,

а Сенкевич утверждал, что Абрамович, когда говорил о партии, слово «секретарь» иначе как «сракатарь» не произносил⁴⁶.

Весь этот «словесный» арсенал отражал фактическое восприятие чекистами новой ситуации, сложившейся в результате «Большого террора», а также своего нового места в системе власти. В результате чекисты весьма болезненно отреагировали на шаги, предпринятые партией для восстановления традиционного положения. Один из «честных» сотрудников УНКВД по Одесской области, оперуполномоченный П. С. Конончук в своём заявлении особоуполномоченному НКВД Баранюку от 17 октября 1939 г. красочно описывал реакцию ряда сотрудников 1-го отделения СПО на действия Одесского обкома КП(б)У по усилению контроля за «органами»:

«... Берензон однажды в кабинете у [Н. И.] Буркина заявил по адресу обкома и КПК: “Приучили всякое говно сюда ходить и требовать дела”. [...] Берензон, оставшись недовольным проведёнными с ним беседами при назначении и утверждении [его] на должность нач. РО НКВД в отделе кадров [обкома] [...], сказал: “Что они ... мать, со мной так разговаривают, – Вы били

⁴³ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 30.

⁴⁴ Там само, т. 1, арк. 39–42.

⁴⁵ Там само, арк. 86.

⁴⁶ Там само, арк. 96–106.

арестованных. – Кто им дал такое право, они же меня все знают, я два состава обкома пересажал, это неверно так со мной разговаривать”»⁴⁷.

Это нарушенное равновесие отразилось также в таком щепетильном вопросе, как сбор чекистами компрометирующих материалов на партийных функционеров с целью дальнейшей вербовки. Несмотря на приказ НКВД СССР «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций» от 26 декабря 1938 г., одесские чекисты продолжали заниматься оперативной разработкой партийно-советских элит. П. С. Конончук писал в собственноручных показаниях 20 декабря 1939 г.:

«Абрамович и Берензон высказывали недовольство тем, что приказом наркома запрещено насаждать агентуру в партийных органах»⁴⁸.

Однако не только рядовые сотрудники не собирались отказываться от привычных методов работы. Гапонов на следствии в феврале 1940 г. признался, что у него имелись данные о морально-бытовом разложении нового начальника УНКВД А. И. Старовойта в бытность его инструктором обкома КП(б)У и секретарём Андре-Ивановского РК КП(б)У. Себе лично в заслугу Гапонов ставил то, что отказался проверять «сигнал» о том, что у нового секретаря Одесского обкома КП(б)У А. Г. Колыбанова отец был «попом», поскольку

«лиц, утверждённых ЦК ВКП(б), местные органы проверять не могут»⁴⁹.

Объективно именно освобождённые представители партийно-советских элит повсеместно сыграли роль главных свидетелей на судебных процессах над чекистами. Практически невозможно представить себе на их месте в качестве свидетелей обвинения репрессированных священников или осуждённых тройкой «националов», судьба которых коммунистов не

⁴⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 123–123 зв.

⁴⁸ Там само, арк. 148.

⁴⁹ Там само, т. 4, арк. 1–10.

волновала. Такая весомая роль вышедших на свободу «партийцев» в бериевской чистке органов НКВД была не случайна – они, не ставя под сомнение главные цели массовых операций, сумели донести до центра серьёзную тревогу мест по поводу повсеместного нарушенного баланса иерархии власти и необходимости кампании по дисциплинированию органов государственной безопасности на всех уровнях. Фактически только партийно-советские функционеры, выжившие в жерновах репрессий, с успехом действовали в унисон положениям постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., не испытывая серьёзного внутреннего конфликта. Именно они и только они олицетворяли собой восстановленный «советский» порядок и восторжествовавшую законность.

Оборонительные тактики чекистов на свободе

В ходе кампании по «восстановлению социалистической законности» сотрудники НКВД, предполагавшие, что они могут быть изгнанными из органов или очутиться на скамье подсудимых, выработали и применяли три главных тактики защиты. Первая заключалась в том, чтобы как можно больше подсудимых и лиц, дела которых были возвращены на доследование, признали свою вину. В рамках этой же тактики чекисты могли попытаться опорочить и скомпрометировать людей, уже вышедших на свободу, чтобы минимизировать ущерб от их потенциальных обвинений. Вторая заключалась в том, чтобы блокировать усилия сотрудников прокуратуры, проявлявших служебное рвение и стремившихся уличить чекистов-«перегибщиков». Третья тактика сводилась к тому, чтобы самим выступить в роли «передовиков» акции по «наведению порядка», способствовать освобождению жертв репрессий, а также избличать наиболее одиозных коллег. В той или иной степени одесские чекисты применяли все эти тактики.

После того, как подсудимым в тюрьмах стало известно в ноябре 1938 г. о «новых ветрах», задувших на советском политическом олимпе, они стали в массовом порядке отказываться от своих показаний и заявлять работникам прокуратуры и судьям о том, что оговорили себя и «подельников» под

моральным и физическим воздействием со стороны НКВД. Это не могло не вызвать ответной реакции со стороны чекистов, которые стремились довести до суда как можно больше дел, тем самым доказывая свою правоту. В результате можно предположить, что давление на подсудимых, в том числе и физическое, в течение ближайших недель и месяцев не только не уменьшилось, но и возросло.

Этому имеется масса свидетельств в материалах архивно-следственных дел. Так, директор совхоза им. Луначарского Суслон сообщил в своём заявлении секретарю Одесского обкома КП(б)У А. Г. Колыбанову от 27 ноября 1939 г. о том, как 16 января 1939 г. заместитель начальника управления НКВД С. И. Гапонов «категорически» потребовал от него подтверждения протоколов, подписанных в 1938 г. После отказа Суслон Гапонов собственноручно избил подсудимого до потери сознания, через 30 минут после отливания холодной водой он был избит начальником отделения Абрамовичем, после этого ещё раз – Абрамовичем и Берензоном⁵⁰. Тремя днями ранее, 13 января 1939 г., Гапонов до такой степени избил бывшего начальника облфинотдела И. Ф. Сенкевича, что был вынужден впоследствии забрать у него окровавленный пиджак⁵¹. Сам Сенкевич 27 апреля 1940 г. показал:

«Приблизительно до мая месяца 1939 г. в стенах областного управления стоял сплошной вопль [избиваемых], беспросветная, грязная ругань. Во взаимоотношениях и разговорах самих этих “работников” между собой господствовал какой-то противный, грязный жаргон, сопровождающийся матом. Словом, бл., была отравлена вся атмосфера»⁵².

Но поскольку волна освобождений ширилась, и часть подсудимых стала выходить на свободу, сотрудниками СПО была изобретена ещё одна защитная тактика. Конончук так описал её:

«Берензон и Абрамович при освобождении из-под ареста обвиняемого, для того лишь, только чтобы предостеречь его от

⁵⁰ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 15–16.

⁵¹ Там само, арк. 47–51.

⁵² Там само, арк. 115.

писанины на них жалоб или заявлений [говорили]: “А то, что с Вами так поступали, на это были указания ЦК ВКП(б)” [...] Абрамович [...] сказал мне: “учтите, если человек честный, но битый, то его освободить нельзя, и мы его освободить не будем, потому что он будет дискредитировать органы и партию” [...] Об этом я рассказывал Гапонову, он как будто со мной частично согласился, но сказал, что нас всё же положительное не интересует [...].

Безнаказанность, маниакальная уверенность в своей непогрешимости, соображения корпоративности, а также страх перед возможным наказанием приводили к тому, что сотрудники НКВД, как правило, дружно блокировали любые попытки «опорочить» их со стороны жалобщиков и прокуратуры; при этом чекисты использовали привычные для себя методы. И жалобщики, и прокурорские работники серьёзно рисковали, поскольку от запугивания сотрудники НКВД могли быстро перейти к делу.

Необходимо также отметить, что презрительное отношение к прокуратуре и прокурорским работникам как к бессильным представителям «формальной» законности формировалось у сотрудников НКВД всем их личным опытом «Большого террора». О том, насколько опасным для сотрудников прокуратуры было противостояние с чекистами даже в рамках кампании по «восстановлению социалистической законности» и как далеко они были готовы зайти в этом противостоянии, свидетельствует история с помощником военного прокурора 434-й Военной прокуратуры, полковым комиссаром Я. Т. Новиковым, проводившим опросы подследственных в УНКВД по Одесской области в конце 1938 – начале 1939 г. В конце декабря 1938 г. и 2 января 1939 г. Я. Т. Новиков присутствовал на допросах С. Я. Шпака⁵⁴. Тот, узнав что перед ним прокурор, заявил жалобу на не-

⁵³ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 137–138.

⁵⁴ С. Я. Шпак был освобождён согласно постановления врид военного прокурора 434-й Военной прокуратуры военного юриста 1-го ранга Лапкина от 14 сентября 1939 г. При этом в постановлении ничего не упоминалось о «незаконных методах» следствия. См.: Там само, арк. 62.

законные методы следствия. Новиков пошёл ему навстречу и выслушал жалобу⁵⁵.

Уже 4 января 1939 г. врио заместителя начальника УНКВД Гапонов заступился за своих подчинённых, заявив, что всё следствие проходило в рамках закона, «жалобщик» изболочён показаниями других врагов народа, а поведение прокурора было неверным⁵⁶. По-видимому, Гапонов незамедлительно проинформировал о «происках» прокурора своё республиканское начальство, поскольку попытка дискредитировать действия Новикова была предпринята уже на уровне НКВД УССР. В частности, Новиков негативно характеризовался в информационной справке о следственной работе органов УНКВД Украины от 14 февраля 1939 г. Весь пафос документа сводился к тому, что прокуроры на местах

«не только не оказывают помощи местным органам НКВД в следственной работе, но зачастую [...] вносят дезорганизацию в следственную работу», а Новиков «специально занимается сбором компрометирующих материалов на сотрудников НКВД путём допроса арестованных»⁵⁷.

Сотрудники одесского СПО даже решились в мае 1939 г. завести на строптивного прокурора дело-формуляр (досье), что означало взятие в агентурную разработку с перспективой ареста. Конончук сообщил о «деле-формуляре» на Новикова военному прокурору войск НКВД П. В. Лехову, прокуратура этот формуляр нашла и установила, что он «действительно был заведён без всяких оснований»⁵⁸. Но даже на суде в 1943 г. Гапонов упорно отрицал, что его подчинённые завели досье на прокурора.

Агрессивные «оборонительные» тактики, к которым прибегали сотрудники органов государственной безопасности в конце 1938–1939 гг., являлись следствием серьёзного дисбаланса сил, возникшего в результате трансфера власти от партийно-советских органов к органам НКВД в ходе «Большого террора»,

⁵⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 52–53.

⁵⁶ Там само, арк. 54.

⁵⁷ ГДА СБ України, ф. 16, оп. 31, спр. 49, арк. 101–102.

⁵⁸ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 31.

причём презрительное и враждебное отношение к прокуратуре было во многом прямым следствием утраты сотрудниками НКВД страха и уважения перед областными и районными партийными организациями.

Оборонительные тактики чекистов под следствием и судом

Кампания по «восстановлению социалистической законности», стартовавшая в ноябре 1938 г., обернулась скорым арестом и осуждением только для двух из восьмерых «героев» нашей статьи. 19 апреля 1939 г. был арестован В. Ф. Калюжный. К моменту ареста бывший начальник СПО УНКВД по Одесской области стал уже и. о. начальника 9-го отдела НКВД УССР. В вину ему вменялись необоснованные аресты, создание несуществующих контрреволюционных организаций, «доведение» до подчинённых контрольных цифр арестов. 23–26 декабря 1940 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа в выездной сессии, состоявшейся в здании УНКВД по Одесской области, приговорил Калюжного к ВМН, но впоследствии расстрел был заменён 10 годами лагерей⁵⁹. Н. М. Тягин, как ближайшее доверенное лицо Калюжного, был арестован с ним в один день по обвинению в разглашении методов работы НКВД, создании искусственных контрреволюционных организаций и фальсификации следственных материалов. 24–25 августа 1939 г. он был осуждён Военным трибуналом войск НКВД Одесского военного округа по ст. 206-17 п. «а» УК УССР к 7 годам ИТЛ без поражения в правах⁶⁰.

Для остальных шестерых «перегибщиков» ситуация обстояла изначально не так уж плохо. Все они были вынуждены покинуть стены Одесского управления НКВД, но оставались на сво-

⁵⁹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 3, арк. 276–277, 285.

⁶⁰ 27 сентября 1939 г. Военный трибунал войск НКВД Киевского военного округа рассмотрел кассационную жалобу Тягина и указал суду «на мягкость меры наказания по данному делу». Однако приговор не был отменён из-за «нецелесообразности» вторичного рассмотрения дела. См.: Там само, спр. 38299, арк. 373.

боде, причём большая часть даже продолжила службу в НКВД. А. Е. Гнесин успешно прошёл две специальные проверки – в августе 1938 г. и феврале 1939 г. Каждый раз комиссия принимала решение о том, что он «может быть оставлен на службе в УНКВД». Лишь 4 апреля 1940 г. постановлением бюро Одесского обкома КП(б)У он был уволен из НКВД

«за применение извращённых методов ведения следствия к арестованным, впоследствии реабилитированным, и фальсификацию следственных дел»,

после чего работал заведующим типографией штаба Одесского военного округа⁶¹. Решением бюро Одесского горкома КП(б)У 27 декабря 1940 г. Гнесин также был исключён из кандидатов ВКП(б). Следует сразу отметить, что в увольнении Гнесина из НКВД главную роль сыграл инструктор Одесского обкома КП(б)У Лайок, который, по выражению Гнесина, целый год буквально «травил» чекиста после получения обкомом жалоб партийцев из числа бывших подследственных⁶².

С. И. Гапонова уволили из органов НКВД распоряжением заместителя наркома внутренних дел УССР А. З. Кобулова от 19 апреля 1939 г. Показательно, что в заключении оперативного уполномоченного аппарата Особоуполномоченного НКВД УССР Помазова от 27 апреля 1939 г., которое содержало формальное решение – «уволить из органов» – главное обвинение в адрес Гапонова сводилось к необоснованному освобождению члена «троцкистской организации» Бугаенко, бывшего инструктора Одесского обкома партии, которого Гапонов завербовал как агента⁶³. После увольнения Гапонов работал начальником телефонной станции г. Одесса. То, что Гапонов остался в Одессе, стало его стратегическим просчётом – 24 июля 1940 г. решением бюро Сталинского РК КП(б)У он был исключён из партии,

⁶¹ В письме на имя Н. С. Хрущева Гнесин называет другую дату увольнения из органов – 3 сентября 1940 г., что указывает на затяжку «органами» исполнения решения партийной инстанции. См. ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 34, арк. 35–38 зв.

⁶² Там само, арк. 35–38 зв.

⁶³ Там само, спр. 03424, т. 3, арк. 22–23.

причём главную скрипку со стороны обвинения сыграл всё тот же Шпак, гневно клеймивший «гапоновщину» и «берензоцину» и характеризовавший секретно-политический отдел не иначе как «филиал гестапо»⁶⁴.

Если Гапонова в Одессе исключили из ВКП(б), то Абрамовича, переведённого на службу в системе ГУЛАГа НКВД СССР и оказавшегося, таким образом, вдалеке от репрессированных одесских коммунистов, в 1940 г., наоборот, приняли в партию. Причём, его карьерная ситуация стала выправляться: во второй половине 1939 – начале 1940 г. он работал начальником отделения 3-го отдела Амурского ИТЛ НКВД по Дальневосточному краю, потом, с мая 1940 г. – начальником 2-го отделения УГБ УНКВД по Еврейской автономной области. Кордун являлся сотрудником УНКВД по Одесской области до ноября 1938 г., после чего в декабре 1938 г. был переведён на должность начальника лагучастка Ягринлага НКВД, с 1 января 1940 г. являлся заместителем начальника отдела режима лагеря, с 1 марта 1940 г. – начальником кирпичного завода строительства НКВД № 203, располагавшегося в г. Молотовске (Северодвинске) Архангельской области, где и проработал вплоть до января 1941 г. Берензона уволили из органов НКВД в июле 1939 г., после чего в 1940 г. он стал политруком 15-го автотранспортного батальона, дислоцировавшегося в 1940 г. в г. Станиславе (Ивано-Франковске). В. А. Машковский был уволен со службы 2 июля 1939 г. «за невозможностью дальнейшего использования в органах НКВД» – возможно, как поляк.

Между тем, летом 1940 г. в судьбе бывших сотрудников СПО Одесского УНКВД произошёл крутой поворот. По постановлению помощника военного прокурора войск НКВД Украинского округа военного юриста 3-го ранга Баринаова 7 июня 1940 г. прокуратура, опираясь на показания освобождённых из тюрьмы коммунистов, выделила из дела Калюжного материалы на бывшего и. о. заместителя начальника УНКВД по Одесской области С. И. Гапонова и группу его подчинённых в составе начальников отделений Е. И. Абрамовича, В. А. Машковского,

⁶⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 3, арк. 24–28.

М. М. Цирульницкого, Д. Б. Кордуна и Я. И. Берензона, бывших оперуполномоченных 4-го отдела А. Е. Гнесина, Х. К. Зарайского и М. М. Мазура⁶⁵.

Однако новое следствие развивалось медленно, а в декабре 1940 г. заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов согласился с мнением следователей НКВД в том, что Гапонов не имеет отношения к делу КПК и поэтому достаточно считать его уволенным из органов⁶⁶. Однако непримиримая позиция прокуратуры в тот момент перевесила мнение бериевского зама. В результате Гапонов был арестован 16 января 1941 г. в Таганроге, Гнесин – 25 января 1941 г. в Одессе, Кордун – 28 января 1941 г. в Молотовске, Абрамович – 5 февраля 1941 г. в Биробиджане, Берензон – 3 марта 1941 г. в Станиславе и Машковский – в начале 1941 г. В дальнейшее развитие событий внесла свои существенные коррективы война – все подследственные были этапированы в Сибирь, в тюрьму № 3 г. Томска, где и находились, за исключением Гапонова, до марта 1943 г., а потом были переведены в Новосибирск, в тюрьму № 1, где дожидались суда, состоявшегося только 21–26 апреля 1943 г.

Следует отметить, что материалы судебных разбирательств в отношении Калюжного и Тягина в меньшей степени характеризуют кампанию по «восстановлению социалистической законности», чем материалы суда над Гапоновым и «гапоновцами». Во-первых, В. Ф. Калюжный расценивался следствием как креатура «врагов народа» Д. Д. Гречухина и А. И. Успенского, которые, в свою очередь, дали о нем показания как об участнике заговора в НКВД, что несколько «смазывало» в данном случае главную специфику «бериевской» чистки. Во-вторых, это были процессы над «одиночками», где в качестве обвинительных материалов, главным образом, фигурировали «внутренние» чекистские документы, а не показания свидетелей.

⁶⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 1, арк. 1. Авторам неизвестно, были ли осуждены М. М. Цирульницкий (в мае 1945 г. награжден орденом Красного Знамени, майор ГБ), Х. К. Зарайский и сержант ГБ М. М. Мазур.

⁶⁶ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 5, арк. 21.

Оказавшись под следствием, а потом и под судом, одесские чекисты-«перегибщики» применяли три универсальные для этой чистки защитные стратегии. Первая сводилась к отрицанию личной ответственности, вся вина перекладывалась на вышестоящее начальство, от начальника отделения вплоть до наркома внутренних дел СССР, на друг друга, а также (крайне редко) – на местные партийные органы. Эта стратегия была тем более очевидной, поскольку, ознакомившись с выдвинутыми против них обвинениями, чекисты ощутили себя в некоем Зазеркалье, где им теперь предстояло персонально ответить за выполнение официальных приказов, в том числе напрямую исходивших из Москвы и Киева. Так, например, Калюжный обвинялся в том, что «устанавливал контрольные цифры на аресты граждан». Лимиты репрессий, бывшие ключевым элементом операции по приказу № 00447, неожиданно оказались личной преступной инициативой отдельных чекистских начальников.

Перекладывая вину на вышестоящее начальство, все обвинения рисовали в целом правдивую картину того жёсткого давления, которое оказывалось практически на всех уровнях аппарата госбезопасности в период осуществления массовых операций. Здесь своеобразный «бонус» перед судом был у самых молодых и неопытных сотрудников. Гнесин, который в марте 1938 г. в возрасте 21 года решением Одесского обкома комсомола был мобилизован в органы, описывал в своём обращении к Хрущёву, как проходила его «социализация» в УНКВД: он не видел ничего, кроме ругани и избиений, а «старшие товарищи», начальник отдела Калюжный и начальник отделения Майский, «окружённые ореолом славы»,

«личным примером учили нас, молодых работников, как нужно работать с арестованными, заставляя ругать их, кричать и бить. Они зачастую по несколько раз в сутки звонили, вызывали следователей в кабинет, в том числе и меня, ругая за плохую якобы работу с арестованными. Критерием чему было то, что голос следователя не был слышан по коридору»⁶⁷.

Калюжный, сняв обувь, в носках неслышно подбирался к две-

⁶⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 34, арк. 35–38.

рям кабинетов следователей, и горе было тому чекисту, из кабинета которого не доносились крики⁶⁸.

О роли руководства ВКП(б) в репрессиях чекисты предпочитали не говорить, чтобы не ставить себя под удар, однако время от времени они «проговаривались», демонстрируя, что прекрасно знают, кто санкционировал и контролировал массовые репрессии. Деятельность наркома Успенского поддерживалась на самом верху, о чем неоднократно заявлял своим подчинённым Калюжный:

«Успенский отчитывался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) о своей работе, которая полностью одобрена, и сам тов. Сталин благодарил Успенского»⁶⁹.

Гапонов в начале 1940 г. выразился на эту тему гораздо более резко:

«Разве не обком в лице его секретаря Телешова держал город в страхе и ужасе, разве не он оклеветал Черницу, Шпака и Бергера, а кто давал санкцию на арест коммунистов, в частности и по КПК, и по “Черноморской коммуне”, как не он»⁷⁰.

Однако упоминание партии ограничилось только этими редкими примерами.

Вторая стратегия заключалась в отрицании или минимизации совершенных преступлений, оспаривании подавляющего большинства выдвинутых обвинений, в первую очередь – в применении физического насилия и фальсификации документов следствия. Частью этой стратегии являлись попытки дискредитировать свидетелей из числа освобождённых подследственных, а также стремление выставить себя в качестве борников борьбы с «липахами» в собственных рядах. Так, Гнесин признавал, что применял «длительные допросы арестованных [по] 15–20 часов», но сам всё это время «сидел [с ними] лично»,

⁶⁸ В частности, 10 марта 1939 г. Абрамович показал: «Предлагалось с арестованными в нормальной обстановке не разговаривать, а кричать с таким расчётом, чтобы эти крики доносились до двери начальника отдела. В частности, мне часто звонил Калюжный и спрашивал, почему у вас тихо». См.: ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 2, арк. 278.

⁶⁹ Там само, т. 1, арк. 239–245.

⁷⁰ Там само, спр. 03424, т. 4, арк. 1–10.

а также сознавался «в оскорблениях, ругани арестованных», но не больше. Избивал арестованного он якобы только один раз, и то в группе, получив санкцию заместителя начальника 2-го отдела УГБ Н. И. Буркина. Гапонов в своём заявлении от 14 декабря 1940 г. военному прокурору войск НКВД П. В. Лехову также признавался в двух избиениях, произведённых исключительно с санкции вышестоящего начальства⁷¹. По словам Гапонова, с санкции и «по настоянию» нового начальника УНКВД Старовойта им был избит подследственный Чумак, причём Старовойт также принимал участие в его избиении.

Абрамович якобы написал письмо Сталину о безобразиях, творящихся в управлении, ничего не говоря начальству, т. к. боялся, что письмо перехватят. Но пальма первенства в восстановлении соцзаконности безусловно принадлежала Гапонову. В феврале 1940 г. он уверял следствие, что сразу же после постановления от 17 ноября 1938 г., проинформировав секретаря Одесского обкома КП(б)У и Политбюро ЦК КП(б)У о положении дел и «творившихся безобразиях», на второй день после ареста Киселёва «отменил решение двух–трёх троек, возвратив дела на доследование»⁷². Кроме этого, Гапонов

«лично и немедленно занялся разбором группового следственного дела по 3-му отделу на красных партизан в 100 чел. и доказал необоснованность их содержания под стражей [...], сумел разоблачить вредную практику работы Тягина, Макиевского, Айзмана, Рыбакова и Раева и успел некоторых из них отдать под суд»⁷³.

Но, несмотря на такую якобы активную деятельность по освобождению невинно арестованных людей, которую чекисты развили в 1939 г., они не сомневались в правомочности и необходимости массовых операций в целом. В этом смысле характерно следующее заявление Тягина от 10 мая 1939 г.:

⁷¹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 244–247.

⁷² Там само, т. 4, арк. 1–10. В другом месте Гапонов сообщал, что после ареста Киселева были отменены решения трех заседаний троек, в результате чего от расстрела была спасена часть из 100 человек, приговорённых тройкой к расстрелу. См.: Там само, арк. 335–349.

⁷³ Там само, арк. 1–10.

«Создание фиктивных организаций имело место по церковникам и 3-му отделению под названием “Молодая генерация” [...] Я уже отвечал выше, что выписка справок [на аресты], не соответствующих действительности, является преступлением, но лица, которые были по ним арестованы, антисоветски себя проявляли»⁷⁴.

Тот же Тягин во время одного из допросов сформулировал расхожее заявление, которое повсеместно в разных вариациях повторялось осуждёнными чекистами от Дальнего Востока до Украины – о разнице в проведении массовых операций в 1937 г. и в 1938 г.⁷⁵:

«Аресты по всем антисоветским политпартиям нужно разграничить на два периода: первый с декабря 1937 г. по апрель 1938 г., и второй с апреля 1938 г. Первые аресты проводились на основе крепких агентурных материалов, и в процессе следствия были вскрыты следующие контрреволюционные организации: эсеровская, сионистская, анархистская, дашнакская, меньшевистская, бундовская. Аресты во время второй операции проводились на основе формулярного учёта, причём на некоторых лиц не было данных об участии в подпольных организациях, но в справках на арест об этом писалось»⁷⁶.

Чекисты-«перегибщики» охотно признавали «незначительные» нарушения закона, которые служили благой цели борьбы с врагами народа. Все остальные обвинения дружно отвергались.

Третья стратегия защиты представляла собой стремление продемонстрировать следствию и суду, что они были, есть и продолжают, несмотря ни на что, оставаться верными сталинцами. Здесь главное место занимали апеллирование к своим чекистским заслугам перед партией и советской властью и указания на верную службу, несмотря на всю тяжесть специфической чекистской работы и грозившую им лично опасность.

⁷⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 1, арк. 179–188.

⁷⁵ Подробнее см.: *Савин А.И., Тепляков А.Г.* Показания деятелей массовых операций // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ № 00447 / Сост. Г. Д. Жданова, В. Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М: РОССПЭН, 2010. – С. 429–526.

⁷⁶ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 38580, т. 1, арк. 334–341.

Такого рода заявления делались, как правило, на высокой эмоциональной ноте. Абрамович 22 апреля 1941 г. писал:

«Я прошу сталинской правды. Прощай, моя любимая Родина! Прощай, мой воспитатель комсомол. Прощай, моя дорогая партия, принявшая меня в свои ряды два года тому назад. На смерть с открытыми глазами идёт невинный коммунист – 32-летний рабочий-литейщик. Да здравствует коммунизм! Да здравствует Великий Сталин! Я прошу помнить, что я заслуживаю наказания, но не расстрела»⁷⁷.

Тягин в своём последнем слове на суде сделал всё, чтобы подчеркнуть свою беззаветную преданность системе:

«В период борьбы с бандитизмом у меня был пробит череп, отчего я страдал эпилепсией. Я большой туберкулёзом во 2-й стадии. 15 лет я работал безупречно и вот на 16 год работы в органах НКВД я стал преступником. Преступником я не был. Я проявил только политическую близорукость, такую же близорукость проявляли все работники отдела. По распоряжению нач. 2-го отдела Калужного я выписывал справки [на арест], корыстной цели в этом не преследовал, выдвижения по службе не добивался [...] Прошу дать мне возможность возвратиться к своей семье и честно продолжать работу»⁷⁸.

Массовые операции НКВД 1937–1938 гг. осуществлялись в стиле сталинских массовых кампаний, которым были свойственными следующие характерные черты: формирование определённого дискурса, соревновательный характер происходящего, где планы устанавливались только для того, чтобы их перевыполнить (как и было в случае с «лимитами»), кампании имели всегда своих героев и антигероев, а также конечные сроки. Особенность всех без исключения кампаний заключалась в феномене «перегиба»: сталинская власть сознательно поощряла «перегибщиков», добиваясь, с одной стороны, выполнения с их помощью поставленных задач, будь то «выкачка» хлеба, проведение «раскулачивания», ликвидация церквей или уничтожение «бывших», с другой стороны, с помощью «перегиба» тестировала рамки и границы возможного. Вслед за этим сле-

⁷⁷ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 4, арк. 370.

⁷⁸ Там само, спр. 38299, арк. 355.

довало наказание «перегибщиков» (как правило, относительно мягкое) при разыгрывании карты «эксцессов на местах» и «восстановления законности» центральной властью.

Защитные стратегии сотрудников НКВД под судом и следствием свидетельствуют, что чекисты, оказавшиеся в числе «перегибщиков», в любом случае рассчитывали на то, что «своя» власть никогда не накажет их строго за чрезмерную жестокость к «врагам народа». Так в целом и случилось. Однако жёсткие меры по дисциплинированию сотрудников органов госбезопасности были необходимыми, так как среди них оказалось слишком много сторонников «чрезвычайщины», не желавших отказываться от того нового места, которое чекисты заняли в системе советской иерархии власти в результате «Большого террора».

Гапонов: палач и жертва «Большого террора»

Сергей Иванович Гапонов был «химически чистым» типом чекиста 1930-х годов. Его биография призвана помочь создать коллективный портрет чекистов, которые успешно осуществили «Большой террор». Этот портрет, в свою очередь, также должен внести свою роль в дискуссию о том, как в условиях современных диктатур формировались так называемые «Ordinary Men»⁷⁹ – «совершенно обычные мужчины», которые являлись не только послушным, но и добровольным активным инструментом в руках государства для осуществления массовых карательных акций. Биография Гапонова также призвана помочь выяснить, какую роль играла советская специфика в этом генезисе современных карателей.

Сергей Гапонов родился 9 августа 1908 г. в г. Енакиево Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. Он рос в семье профессиональных революционеров, некоторое время беспризорничал. Первое время Сергей желал получить хорошую рабочую специальность, а затем – высшее образование. После окончания неполной средней школы Гапонов учился на тока-

⁷⁹ Термин ввел в научный оборот американский историк Кристофер Брунинг. См.: *Browning Ch.R. Ordinary Men. Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*, New York, Harper Collins, 1993.

ря в фабрично-заводском училище Днепропетровска, а с 1926 г. как токарь по металлу поступил на завод «Спартак» и одновременно стал учиться на рабфаке металлургического института. Тогда же он окончил вечернюю партийную школу 2-й ступени, что означало проснувшийся интерес к карьере. В 1928–1929 гг. Гапонов работал токарем по металлу на заводе «Сатурн» в Днепропетровске⁸⁰.

Начало сотрудничества Гапонова с органами госбезопасности относится ко времени его обучения в ФЗУ «Юный металлист», где существовала молодёжная троцкистская группировка. По заданию чекистов Гапонов сначала вскрыл

«несколько десятков троцкистов, которые проводили конкретную троцкистскую работу в г. Днепропетровске, Харькове и Москве»⁸¹,

а с апреля 1928 г. уже работал непосредственно на связи у работников окружного отдела ГПУ и являлся ценным сексотом. Чекисты отмечали, что по их заданию Сергей был исключён из комсомола и кандидатов партии, а также впоследствии арестован в ходе окончательного разгрома троцкистов в Днепропетровске. Исключение и арест Гапонова, как сообщали чекисты, «были связаны с его зашифровкой как нашего сотрудника [...], чего мы и добились».

После разгрома троцкистского подполья юного сексота почти сразу же взяли на официальную работу в Днепропетровский окротдел ГПУ УССР и помогли восстановиться в партии. Подобное начало чекистской карьеры было типичным для целого ряда высокопоставленных сотрудников ОГПУ–НКВД.

Гласная чекистская работа 20-летнего Гапонова началась в мае 1929 г. в качестве сверхштатного архивариуса Днепропетровского окротдела ОГПУ, с августа его стали привлекать к оперативным мероприятиям, а с 1 января 1930 г. он был назначен практикантом и сверхштатным помощником уполномоченного ИНФО, получив на связь первых агентов. Гапонов не проходил каких-то курсов, а учился чекистской работе на

⁸⁰ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 8 зв., 67 зв.

⁸¹ Там само, арк. 94.

примере старших товарищей, которые брали его на явки с агентами, объясняли азы агентурной и следственной работы. Согласно характеристике середины января 1933 г., Гапонов «обслуживал» бывших деятелей Украинской Коммунистической партии (УКП) и городское учительство, усвоил основы агентурно-оперативной работы и проявлял добросовестное отношение к своим обязанностям. В актив Гапонову тогда же записали успех громкого политического дела. Командированный в Ореховский район во исполнение жесточайших указаний Сталина и руководства УССР сломить сопротивление непосильным хлебозаготовкам со стороны низовой партийно-советской номенклатуры, Гапонов вскрыл «организованный саботаж» со стороны секретаря райкома Головина, председателя райисполкома Паламарчука и членов бюро райкома КП(б)У, итогом чего стало проведенное Гапоновым следствие, закончившееся лагерными сроками для обвиняемых и расстрелом одного из них⁸². Таким образом, первые шесть лет своей гласной чекистской карьеры Гапонов провёл в Днепропетровском окружном отделе и оперсекторе, а затем областном отделе ОГПУ–НКВД, где прошёл путь от архивариуса и практиканта до уполномоченного секретно-политического отдела – главного элемента в системе политического сыска. Гапонов специализировался на агентурной разработке лиц, которые власть относил к «украинским националистам».

До поры до времени его карьера развивалась обычным темпом. Гапонов, как все старательные чекисты, постоянно получал поощрения. В 1933 г. его премировали двухмесячным окладом «за предотвращение теракта и вскрытие саботажа в хлебозаготовках». В 1934 и 1935 гг. за «хорошую постановку работы и вскрытие контрреволюционного подполья» он дважды награждался деньгами от имени НКВД УССР. Кроме этого, Гапонов также имел благодарность за вскрытие боротьбистской организации (якобы «с обнаружением динамита и баллонов с ядовитыми газами»), а за активную работу с агентурой, обеспечившую «подъём агентурно-оперативной работы», 9 ян-

⁸² ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 105, 106, 133.

варя 1935 г. Гапонов получил благодарность и двухмесячную зарплату⁸³. В апреле 1935 г. Гапонова перевели в республиканскую столицу на должность уполномоченного 2-го отделения СПО УГБ НКВД УССР, а 1 декабря 1935 г. назначили оперуполномоченным 3-го отделения СПО.

Подлинное ускорение карьеры молодого, однако уже опытного чекиста, придал 1937 г., когда оперативные работники в условиях чистки кадров стали массово выдвигаться на руководящую работу. 25 мая 1937 г. Гапонов был назначен врид помощника начальника 3-го отделения СПО УНКВД в Виннице, где показал себя эффективным следователем, у которого лично сознались более 10 арестованных⁸⁴. С 1 октября 1937 г. он был с повышением переведён в выделенную из Винницкой Каменец-Подольскую область, где работал начальником отделения и заместителем начальника СПО УНКВД, курируя работу двух отделений СПО. Он успел вскрыть и ликвидировать организацию У КП – 75 чел., которые все были осуждены к расстрелу. По агентурному делу «Прятели» оказалось осуждено 14 «повстанцев»; по агентурному делу «Подрывники» была разоблачена диверсионная организация в Ярмолинецком районе (10 чел.); по делу «Диверсанты» – «шпионско-диверсионно-террористическая организация в Теофипольском районе» (10 чел.). Гапонов также завёл две агентурные разработки («Просвещенцы» и «Обнаглевшие») по украинской контрреволюции, а также 12 дел-формуляров (досье) «по этой же линии». «Черновой» работы он тоже не избегал и в качестве ответственного дежурного по УНКВД ночью 23 декабря 1937 г. присутствовал при расстреле комендантом Левкиным на городском кладбище 11 осуждённых.

В конце марта 1938 г. чекиста вернули в Киев и он стал заместителем начальника 1-го отделения СПО НКВД УССР, а с 4 апреля являлся врид начальника 6-го отделения СПО, т. е. фигурой, заметной в масштабах наркомата, благодаря чему 13 июля 1938 г. получил должность начальника СПО УНКВД од-

⁸³ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 53, 72, 133.

⁸⁴ Там само, арк. 46.

ной из важнейших областей Украины – Одесской⁸⁵. Именно здесь его ждал пик карьеры: назначение 15 ноября 1938 г. – в обстановке повальной смены начальников областных управлений после скандального бегства наркома Успенского – исполняющим обязанности начальника Одесского УНКВД.

От прежних начальников УНКВД Фёдорова, Гречухина и Киселёва Гапонов получил тяжёлое наследство – не только массу незаконченных следственных дел, но и жуткий пыточный застенок, именовавшийся ЦАД («Центральный арестный дом»). Практически в каждом управлении НКВД по стране имелись особые изолированные комнаты или группы помещений, где специально подобранные следователи с изощрённой жестокостью более или менее тайно избивали и пытали наиболее упорных заключённых. В Одессе ЦАД организовали в 1937 г. по инициативе контрразведывательного отдела в здании уголовного розыска, причём постоянный штат милиционеров этого учреждения занимался «только нанесением физических воздействий арестованным»⁸⁶. Пребывание Гапонова на должности начальника управления оказалось непродолжительным, несмотря на хорошую партийную характеристику от 2 декабря 1938 г.⁸⁷

Новое руководство НКВД УССР выдвинуло с 15 января 1939 г. на должность начальника УНКВД бывшего секретаря райкома партии 32-летнего А. И. Старовойта⁸⁸. Гапонов остался при нём заместителем, а 7 марта 1939 г. был возвращён на должность начальника СПО. Таким образом, ему пришлось активно заниматься процессами прекращения наиболее уязвимых с точки зрения доказательной базы следственных дел на коммунистов. При этом Гапонов всемерно старался не допустить широкой реабилитации арестованных. Несмотря на значительный оперативный опыт, Гапонов был быстро признан нежелательным элементом в системе НКВД. Свою роль сыграло то, что в 1930-е гг. ближайшие родственники Гапонова, вклю-

⁸⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 53.

⁸⁶ Там само, спр. 38580, т. 3, арк. 264.

⁸⁷ Там само, спр. 03424, т. 2, арк. 36.

⁸⁸ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941... – С. 393–394.

чая жену, оказались неблагонадёжными. Именно это обстоятельство подчёркивалось кадровиками при решении вопроса об увольнении, а не роль Гапонова в терроре⁸⁹. Непосредственным поводом к увольнению Гапонова послужила история с освобождением работника Одесского обкома КП(б)У Бугаенко, которого Гапонов представил своим агентом, а также необоснованные аресты партийных контролёров⁹⁰. Можно считать, что Гапонову крупно повезло – его не признали участником «ежовского заговора», он не был сильно скомпрометирован показаниями арестованных коллег и все годы пребывания под прицелом прокурорских и внутренних чекистских расследований оставался исключительно в ранге «перегибщика», дополнительно скомпрометированного родственниками. Приказом замнаркома НКВД УССР А. З. Кобулова от 19 апреля 1939 г. Гапонов был уволен и переведён в систему областной связи.

Но постепенно следствие по делу его предшественника в областном СПО Калюжного накопило много претензий к Гапонову, также негативную роль в судьбе Гапонова сыграла жёсткая позиция, занятая партийными властями при разборе его персонального дела. Как человек, отказавшийся на заседании бюро Сталинского райкома КП(б)У Одессы от 24 июля 1940 г. признать вину в истреблении «честных коммунистов», он был исключён из партии за нарушения законности и неискренность при обсуждении его «ошибок». От Гапонова ждали подробного рассказа о своих провалах и соблюдения заведённого ритуала покаяния, но экс-чекист по сути отказался «разоружиться» перед партией. В своём заключительном слове Гапонов пытался представить себя жертвой обстоятельств и честно ошибавшимся коммунистом и чекистом, который почти не нарушал законность, а напротив, массово прекращал необоснованные дела. В ответ инструктор обкома партии Лайок заявил, что абсолютно не следует лишать политического доверия всех чекистов, но конкретно Гапонов должен понести кару:

⁸⁹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 224.

⁹⁰ Там само, т. 1, арк. 1, 20.

«Гапонов мог на партийном собрании выступить и честно обо всем рассказать, но он не хотел этого сделать. Вместо этого хотел обмануть [членов] Обкома партии»⁹¹.

Одесский горком в декабре 1940 г. утвердил его исключение из КП(б)У, а 16 января 1941 г. Гапонов был арестован по ст. 193-17 УК и более года провёл под стражей. В начале июля 1941 г. ВТ войск НКВД Киевского округа провёл подготовительное заседание по делу, но из-за войны процесс отложили, а Гапонова в итоге эвакуировали в Томскую тюрьму⁹². Там он допрашивался эвакуированным из НКВД УССР начальником следственной группы А. М. Лесным и, вероятно, смог использовать в свою пользу прибытие на должность начальника УНКВД по Новосибирской области Л. А. Малинина, бывшего руководителя Одесского УНКВД, который привёз с собой целую плеяду одесских чекистов, включая знакомого Гапонову замначальника СПО С. И. Дрибинского. По просьбе Гапонова бывшие украинские чекисты, оказавшиеся в Новосибирске, дали ему положительные характеристики⁹³.

По инициативе УНКВД по Новосибирской области Гапонова освободили 14 марта 1942 г. Сразу по освобождении он стал хлопотать о восстановлении на агентурно-оперативной работе в НКВД и просил направить его на фронт. Уже 19 марта 1942 г. на его заявлении появилась резолюция Малинина: «Необходимо собрать все материалы и решить вопрос о реабилитации». В тот же день Гапонов был зачислен в систему УИТЛК УНКВД по Новосибирской области, где занимался организацией розыска беглых заключённых. Семеро его коллег-земляков заверили московское начальство в том, что Гапонов – авторитетный чекист и был арестован по клевете о «якобы искривлении методов следственной работы»⁹⁴. Однако Отдел кадров НКВД СССР предложил отказать ему в переводе на оперативную работу: брат жены осуждён как активист троцкистской террористи-

⁹¹ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 162.

⁹² Там само, арк. 159; т. 3, арк. 201–210.

⁹³ Там само, т. 5 (конверт).

⁹⁴ Там само, т. 2, арк. 325, 331–338.

ческой организации; сам Гапонов незаконно освободил арестованного Бугаенко и допустил искривления в 1938 г.; работает в ГУЛАГе и беспартийный⁹⁵.

Между тем военная прокуратура в Новосибирске не собиралась мириться с прекращением дела на Гапонова и 17 декабря 1942 г. постановила вновь взять чекиста под стражу. Однако военный трибунал войск НКВД Западно-Сибирского округа в г. Томске не смог начать рассмотрение дела Гапонова, Кордуна, Абрамовича, Берензона, Машковского и Гнесина, назначенное на 25 января 1943 г., поскольку с осени 1942 г. Гапонов использовался управлением НКВД как законспирированный агент и находился «в продолжительной и серьёзной оперативной командировке». Берензон был переведён из Томска в ИТК № 6 и тоже не был доставлен на заседание. Дело было приостановлено, однако прокуроры довольно быстро добились присутствия на суде Гапонова и Берензона. Обвинение подчёркивало применение чекистами «средневековых» и «инквизиторских» пыток⁹⁶. Но Гапонов и его подельники использовали прежнюю тактику отрицания свидетельских показаний, упирав на свою преданность НКВД и советской власти. Как правило, судьи в годы войны отправляли осуждённых чекистов на фронт – так произошло и на этот раз. Получив 26 апреля 1943 г. длительные сроки заключения, подсудимые были тут же амнистированы и направлены в действующую армию. Причём Гапонов отправился туда последним, поскольку считался ценным агентом и руководство УНКГБ по Новосибирской области просило в конце 1943 г. разрешить оставить его в своём распоряжении. Оказавшись в Красной армии в должности интенданта 2-го ранга (подполковника), Гапонов избежал передовой и благополучно дождал до победы. В последующем он спокойно вернулся в Киев и встретил старость на хозяйственной работе. В 1950-х гг. С. И. Гапонов работал в тресте «Киевгорсвет», будучи заслуженным коммунистом и участником войны⁹⁷.

⁹⁵ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 2, арк. 295, 294, 303.

⁹⁶ Там само т. 4, арк. 572, 578, 585–586 зв.

⁹⁷ Там само, т. 2, арк. 595–601.

В течение всей своей чекистской карьеры – негласной, гласной, затем снова негласной – С. И. Гапонов демонстрировал поведение, свойственное сотрудникам советских органов государственной безопасности. Понимание своей роли как бойца «передового вооружённого отряда партии», находящегося на фронте борьбы с классовым врагом, и в то же время как уязвимого винтика огромной карательной машины, обусловило характерные профессиональные деформации личности Гапонова. К ним в первую очередь относились отсутствие сомнений в непогрешимости «органов», жестокость и уверенность в том, что арестованный не может иметь никаких прав, даже после освобождения и реабилитации, крайний карьеризм и изворотливость, готовность идти по трупам.

Фигура Гапонова типична для поколения сотрудников государственной безопасности, руками которых сталинская власть осуществила «Большой террор». Его социализация пришлась на годы Гражданской войны, взросление и возмужание прошли в системе советской тайной полиции, которая сформировала его по своему образу и подобию. В результате он стал не только послушным исполнителем преступных приказов «сверху», но и активно вносил свой собственный вклад в массовые репрессии. В его судьбе профессионального специалиста в области провокации и сыска как в зеркале отразились судьбы значительной части чекистских руководителей образца «Большого террора» – быстрый служебный рост, невзирая на компрометирующие данные о родных и близких, резкое падение с карьерной высоты в качестве «отработанного материала», примерное осуждение за «перегибы» в отношении нескольких десятков коммунистов, а не тысяч «настоящих врагов», сравнительно быстрое освобождение и благополучное существование во «второй» жизни, где уже не было смертельных качелей беспощадного чекистского мира.

Реабилитированные чекисты

Снисходительный подход к уголовным преступлениям, совершённым «своими» в борьбе с «врагами народа», был характерен для советского режима. Чекисты традиционно считались

образцами политической лояльности, поэтому наказания в отношении членов этой кастовой группы советского государственного аппарата всегда были наименее жестокими. Фигура чекиста, осуждённого за тяжкие преступления и затем не только досрочно освобождённого, но и возвращённого в органы госбезопасности, стала привычной уже с начала 1930-х годов, когда на службу в систему ГУЛАГ в массовом порядке стали направлять проштрафившихся сотрудников⁹⁸.

Нападение Германии на СССР предоставило осуждённым чекистам, избежавшим расстрела в 1939–1941 гг., значительно более широкие возможности для реабилитации, чем лагерная система. Массовая амнистия, осуществлённая в отношении бывших работников госбезопасности преимущественно в 1941–1942 гг., стала своеобразным ответом на беспрецедентную чистку «органов» конца 1930-х годов. Уже с первых дней после начала войны Военная коллегия Верховного Суда СССР стала заменять реальное наказание чекистам, даже подлежащим расстрелу, отправкой на фронт. Осуждённых работников НКВД освобождали специальными решениями высшего руководства – указами Президиума Верховного Совета СССР, принятыми по инициативе Л. П. Берии⁹⁹. Освобождения происходили, судя по всему, в два основных потока: в конце 1941 г. и в конце 1942 г. Известно, что в декабре 1941 г. Берия обратился к Сталину с просьбой в связи с нехваткой кадров на фронтах освободить из заключения 1610 сотрудников, отбывавших наказание главным образом за нарушения законности¹⁰⁰. Осенью 1942 г.

⁹⁸ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 97, 499.

⁹⁹ Уже в начале войны часть отбывавших сроки чекистов освобождали в соответствии с указом Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г. о досрочном освобождении. Так, О. С. Флейшман, работавший в 1937–1938 гг. начальником Сквирского РО УНКВД по Киевской области, арестованный в феврале 1940 г. и осуждённый за нарушения законности на 8 лет заключения, в августе 1941 г. был освобождён и направлен в РККА. См. РГАНИ, ф. 6, оп. 2, д. 864, л. 9.

¹⁰⁰ Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М.: МФД, 2006. – С. 563.

из лагерей и тюрем выпустили ещё одну большую группу бывших работников НКВД, отдельные освобождения предпринимались до 1945 г. включительно. Таким образом, можно предположить, что всего в годы войны было амнистировано около 2 тыс. чекистов. После освобождения их, как правило, направляли как в разведывательно-диверсионные группы и особые отделы, так и в штрафные роты. Значительная часть из них попала в строевые части и не занималась чекистской работой. Но сотни амнистированных сотрудников НКВД смогли попасть во фронтовые особые отделы и возобновить чекистскую карьеру. Они стремились окончательно реабилитироваться в глазах власти, применяя привычный опыт фальсификации крупномасштабных дел и получения от обвиняемых требуемых показаний. В свою очередь, руководство НКВД–НКГБ по-прежнему требовало от чекистов раскрытия «контрреволюционных заговорщицких организаций» и беспощадности к «врагам народа». В ответ на эти установки на фронте широко применялись классические методы сталинских спецслужб: провокации, использование внутрикамерной агентуры, в т. ч. из лиц, приговорённых к расстрелу, обман, шантаж, а также избиения и пытки¹⁰¹. Известно, что за годы войны только органы НКГБ раскрыли около 5 тыс. «антисоветских контрреволюционных организаций»¹⁰². Но нельзя также отрицать того, что часть амнистированных чекистов внесла свою лепту как в боевые успехи на фронтах, так и в диверсионно-разведывательную деятельность.

Судьбы Гапонова и «гапоновцев» во многом типичны для амнистированных сотрудников НКВД. ВТ войск НКВД Западно-Сибирского округа 21–26 апреля 1943 г. приговорил Гапонова, Кордуна, Абрамовича и Берензона к 10 годам, Гнесина и Машковского – к семи годам лишения свободы, при этом было принято решение удовлетворить ходатайство Гапонова, Берензона, Гнесина и Машковского, освободить их из-под стражи и направить всех четверых в действующую армию. Аналогичное

¹⁰¹ *Тепляков А.Г.* Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // Клио. – 2012. – № 7 (67). – С. 75–76.

¹⁰² Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946... – С. 575.

решение 1 июня 1943 г. было также принято в отношении Кордуна и Абрамовича.

Освобождённые одесские чекисты действительно были направлены в действующую армию¹⁰³, но не Гапонов. Руководство УНКГБ по Новосибирской области было заинтересовано в его услугах и продолжало использовать уже не в розыске беглецов из ГУЛАГа, а «в качестве агента для разработки антисоветски настроенных лиц». На какое-то время новосибирские чекисты смогли даже саботировать решение вышестоящего московского начальства, приказавшего 21 января 1944 г., «учитывая совершенные Гапоновым преступления», направить его в распоряжение новосибирского облвоенкомата для отправки на фронт¹⁰⁴. На пересыльный пункт облвоенкомата Гапонова откомандировали лишь спустя два месяца, 25 марта 1944 г.:

«задержка в направлении была вызвана – согласно справки за подписью начальника УНКГБ Малинина – ввиду оперативной необходимости»¹⁰⁵.

Судя по последней информации о Гапонове из его архивно-следственного дела, освобождённый чекист не принимал участия в боевых действиях: 23 мая 1944 г. интендант 2-го ранга Гапонов выбыл в распоряжение коменданта города Рославль¹⁰⁶.

Смог вернуться на чекистскую стезю В. А. Машковский. После освобождения он принимал участие в военных действиях на Западном и 3-м Белорусском фронтах, был дважды контужен. Но уже с весны 1944 г. стал работать секретарём фронтowego приёмно-пересыльного лагеря военнопленных № 24 НКВД, где также выполнял обязанности дознавателя. Согласно представлению к медали «За боевые заслуги» от 26 апреля

¹⁰³ В следственном деле Гапонова есть данные, что Гнесин, Машковский и Берензон отбыли на фронт с маршевой ротой 27 мая 1943 г., Кордун – 10 сентября 1944 г.

¹⁰⁴ ГДА СБ України, м. Одеса, спр. 03424, т. 5, арк. 215.

¹⁰⁵ Там само, арк. 244.

¹⁰⁶ Там само, арк. 246.

1945 г., Машковским были «вскрыты преступления, совершенные военнослужащими лагеря»¹⁰⁷.

Такой же награды в августе 1946 г. удостоился А. Е. Гнесин. С августа 1943 г. до сентября 1945 г. он служил снайпером 1-й стрелковой роты 386-го стрелкового полка 60-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. На фронт он прибыл в мае 1943 г. в составе 219-го гвардейского стрелкового полка 71-й гвардейской стрелковой дивизии, принимал участие в боях на 3-м Украинском фронте, был легко ранен в плечо, в июне участвовал в бою при наступлении на железнодорожный узел Харьков–Полтава, 9 августа 1943 г. контужен, после излечения 25 августа 1943 г. был направлен на службу в 386-й стрелковый полк внутренних войск НКВД, где зарекомендовал себя «дисциплинированным, аккуратным бойцом, исполнительным и требовательным к себе». В наградном листе также присутствует короткая пометка «с 12.45 г. – на службе в НКВД»¹⁰⁸.

Менее счастливой была военная судьба Е. И. Абрамовича. На фронте он находился с 13 июня 1943 г. по 22 сентября 1945 г., служил рядовым 6-й роты 3-го батальона 940-го стрелкового полка 262-й стрелковой дивизии 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В ночном бою 18 сентября 1943 г. за деревню Фомино на Витебском направлении Абрамович получил тяжёлое ранение в голову, но тем не менее установил связь между командным пунктом батальона и командирами рот, обеспечив тем самым успех батальона в наступлении на село. До ранения вынес с поле боя двух раненых – младшего лейтенанта и сержанта. После демобилизации Абрамович был признан инвалидом Отечественной войны 2-й группы и 6 ноября 1947 г. удостоился ордена «Красной Звезды»¹⁰⁹.

О дальнейшей судьбе Кордуна и Берензона авторам ничего не известно. Однако из числа десятков амнистированных и отправленных на фронт «украинских» чекистов погибла сравнительно небольшая часть. Те чекисты, которые воевали не в

¹⁰⁷ Материалы сайта «Подвиг народа».

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

рядовых званиях, а также смогли устроиться «по специальности», имели хорошие шансы уцелеть.

Заключение: чистка органов госбезопасности как инструмент восстановления нарушенного равновесия

В историографии существует несколько расхожих интерпретаций «бериевской» чистки 1939–1941 гг., которые, с нашей точки зрения, все имеют право на существование, поскольку каждая из них адекватно объясняет тот или иной сегмент происшедшего. Первое, наиболее распространённое объяснение, сводится к феномену «клановой чистки» – подобной той, какую в конце 1936 г. Ежов инициировал в отношении «ставленников» Ягоды и в результате которой по обвинению в контрреволюционных преступлениях за 1937–1938 гг. были арестованы 1862 оперативных сотрудника¹¹⁰. В свою очередь, Берия в конце 1938 – первой половине 1941 гг. вычистил из НКВД бывших «ежовцев».

Другая точка зрения трактует наказание чекистов как кару за участие в «перегибах», к которым приводило «рвение» и «бездумное выполнение приказов». Несмотря на свою лапидарность, эта интерпретация также имеет право на существование. Особенно адекватно она объясняет мотивацию судей военных трибуналов и обоснование вынесенных чекистам приговоров. Со стороны же руководства НКВД было действительно важно убрать сотрудников, замешанных в мародёрстве, скомпрометированных связями с нелояльными лицами, запустивших оперативную работу, дискредитированных неподходящим социальным или национальным происхождением и т. д.

Ещё одним объяснением, достаточно близким к интерпретации кампании «бериевской» чистки как акции по наказанию «перегибщиков», является утверждение о внезапной, совершенно неожиданной для самих чекистов «криминализации» их действий. Арестованные сотрудники госбезопасности чувствовали себя преданными: они лишь выполняли приказы руко-

¹¹⁰ Ещё 411 сотрудников ГБ были арестованы в 1937–1938 гг. по обвинению в совершении уголовных преступлений. См.: *Petrow N. Die Kaderpolitik des NKWD 1936–1939.* – S. 29.

водства, которые, как им неоднократно заявляли, исходили с самого верха советской политической пирамиды, и вдруг власть поменяла правила игры. «Плавающая» криминализация как принцип была отличительной чертой советского режима, особенно резко проявившись в период «Большого террора». Сначала тройки и двойки стали осуждать людей к смертной казни или длительным срокам заключения за проступки, действия или поведение, которые раньше не подлежали уголовному наказанию или карались сравнительно мягко. А в кампанию чистки 1939–1941 гг. криминализация распространилась на самих чекистов, причём их наказывали не только за эксцессы, но и за вполне «нормальные» с их точки зрения, рутинные следственные действия.

Наша гипотеза опирается на один из главных результатов исследований Марка Юнге, который гласит о том, что в годы «Большого террора» центр отказался от значительной части своих полномочий в пользу периферии, как того требовала специфика проведения массовых операций. Но это положение нуждается в развитии: «трансфер» карательной компетенции затронул не только внесудебные инстанции – тройки и двойки, не только руководство управлений и отделов, но и весь чекистский аппарат, до самого низа, вплоть до рядовых сотрудников госбезопасности, а также приравненных к оперативникам милиционеров и фельдъегерей, активно помогавших в следствии. У исполнителей в ходе «Большого террора» явно произошло «головокружение от успехов». Н. И. Ежов уже в середине 1937 г. так похвалялся лично своим влиянием и влиянием НКВД в целом:

«Я – нарком внутренних дел, я секретарь ЦК, я председатель партконтроля, вот попробуй кто-либо на меня пожаловаться, куда пойдёшь, в НКВД – у меня тут свои люди, пойдёшь в ЦК, там мне сразу же доложат, а в партконтроле я же председателем, как же без меня какое-либо дело решать, вот видишь, как получается, куда ни кинь, всё Ежов [...] Внутренние дела и иностранные у меня сейчас в руках [...] начальники [НКВД] на местах сейчас имеют огромную власть, во многих местах они сейчас первые люди»¹¹¹.

¹¹¹ ЦА ФСБ РФ, д. 975047, т. 1. Показания С. Ф. Реденса от 14 мая 1939 г.

НКВД на местах стал в 1937–1938 гг. организацией, которая фактически терроризировала местные комитеты партии на персональном уровне и являлась главной кадровой инстанцией с точки зрения чистки и пополнения партийно-советской, профсоюзно-комсомольской, военной и хозяйственной номенклатур. В ноябре 1938 г. центр вернул себе свои карательные и кадровые полномочия, но исполнителям из НКВД на местах необходимо было наглядно продемонстрировать, насколько вновь сузились рамки их свободы действий, в первую очередь – в отношении партийных организаций.

Вопрос о взаимоотношениях партийных комитетов и органов НКВД – один из самых спорных в исследованиях массовых операций. Очевидно, не стоит говорить о том, что чекисты вышли из-под контроля высшего руководства партии – все операции жёстко контролировались Центром. Тем не менее, несомненно, что с учётом упоминавшегося выше «трансфера» карательных полномочий, свобода рук у чекистов была весьма большой (вплоть до произвольного увеличения расстрельных лимитов, как в НКВД Туркменской ССР¹¹²), и террор на местах все-таки развил свою собственную динамику, особенно учитывая требования НКВД СССР и лично Ежова, направленные на массовую фабрикацию дел как можно более крупных антисоветских организаций. В этом случае из подследственных выбивались показания о «сообщниках», в результате чего следовала цепная реакция арестов. Особенно это было распространено в отношении дел партийно-советских элит¹¹³. В свою очередь, партийные комитеты практически повсюду занимались идеологическим и пропагандистским обеспечением «Большого террора». И Украина, и Белоруссия, и Грузия с Азербайджаном, и Сибирь имели партийных лидеров в лице Н. С. Хрущёва, П. К. Пономаренко, Л. П. Берии, М.-Д. Багирова, И. И. Алексеева, Л. Н. Гусева, А. С. Щербакова, которые активно организовывали репрессии. Тем не менее, после ноября 1938 г. в наказании «пере-

¹¹² Hlevnjuk O. Les mecanismes de la «Grande Terreur» des années 1937–1938 au Turkmenistan // Cahiers du Monde Russe. – 1998. – Vol. 39. – № 1–2. – P. 197–208.

¹¹³ Тепляков А.Г. Машина террора... – С. 454–459.

гибщиков» из НКВД принимали деятельное участие как активные проводники террора из числа партийной элиты, так и те, кто дистанцировался от его крайностей.

Истоки судов над «козлами отпущения» из НКВД следует искать не только в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г., но и в другом, не менее известном документе, который появился на свет ещё в начале 1938 г. Речь идёт о постановлении январского Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из рядов ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Правда, НКВД упоминался в этом документе только лишь четырежды, причём косвенно и сугубо положительно, так что сигнал к более аккуратному проведению кампании по избиению партийно-советской элиты прозвучал достаточно двусмысленно. Как отмечает М. Юнге, сомнения, зародившиеся у сотрудников НКВД

«после [...] январского пленума ЦК ВКП(б) по поводу того, как вести себя в ходе продолжающихся массовых репрессий [...] были задушены в зародыше на партийных собраниях с помощью вынесенных порицаний, выговоров и дисциплинарных взысканий»¹¹⁴.

Хотя на этих собраниях, по мнению М. Юнге, чекистов

«также ориентировали отказаться от огульных арестов, целью которых являлось исключительно выполнение лимитов и призывали соблюдать революционную законность»¹¹⁵,

продолжение террора фактически исключало возможности запуганных им местных партийных инстанций серьёзно влиять на избиение своих кадров. Январское постановление вызвало ряд репрессий в отношении перестаравшихся крупных чекистов, но настоящий террор против выдвиненцев Ежова начался позднее, осенью 1938 г., и был призван сменить всю чекистскую элиту, обвинённую, прежде всего, в «ежовском заговоре» против Сталина.

¹¹⁴ «Через трупы врага на благо народа».... – Т. 2. – С. 13.

¹¹⁵ Там же.

Нарушенное равновесие между партией и органами госбезопасности отнюдь не новая тема для историографии, об этом неоднократно, в разной тональности, писали историки спецслужб. Одесские материалы убедительно свидетельствуют, что нарушение баланса происходило не только наверху, в результате институционального «сращивания» партии и органов в результате назначения руководящих сотрудников НКВД на высокие посты в партии и государственном аппарате¹¹⁶. Одним из главных результатов «Большого террора» стал дисбаланс «внизу», когда сотрудники среднего и даже низшего звена государственной безопасности, фабрикуя в массовом порядке дела на членов коммунистической партии, в первую очередь на номенклатурных работников, стали воспринимать себя ещё большими коммунистами, чем ответственные партийные функционеры.

О том, что высшее партийное руководство усмотрело серьёзную опасность в возникшем дисбалансе, также свидетельствуют постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» от 1 декабря 1938 г. и приказ НКВД СССР «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций», утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б) 26 декабря 1938 г.¹¹⁷ Оба документа были призваны оградить членов ВКП(б) от возможных поползновений со стороны органов госбезопасности. Тем не менее, до самого конца сталинской эпохи партийные комитеты и государственные структуры являлись объектом оперативной работы органов НКГБ–МГБ, подвергаясь елке, вербовкам, провокациям и выборочным репрессиям¹¹⁸.

¹¹⁶ Ежовские выдвиженцы (сам Ежов был партийным аппаратчиком) стали членами СНК СССР: нарком связи М. Д. Берман, заместитель НКПС Л. Н. Бельский, полпреды и заместители НКВД С. Н. Миронов и В. Г. Деканозов, а также секретарями обкомов ВКП(б) – К. Н. Валухин, Г. Г. Телешев и др.

¹¹⁷ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. – М.: МФД, 2004. – С. 624–625, 631–632.

¹¹⁸ *Смирнов Н.Г.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. – М., 2014; *Тепляков А.Г.* Шовинизм и национализм в органах

История «бериевской чистки» является наглядным подтверждением того, что главной жертвой «Большого террора» было рядовое население СССР. В условиях нормализации ситуации и дисциплинирования НКВД власть не ставила своей задачей восстановить справедливость в отношении обыкновенных граждан. Даже осуждение сотрудников НКВД, не говоря уже об изгнании из органов госбезопасности, оставалось внутриведомственным процессом и не приводило к пересмотру и отмене приговоров в отношении подавляющего большинства тех дел, которые провели осуждённые чекисты. Кампания по «восстановлению социалистической законности» коснулась основной массы жертв только самым краем. Советский народ стал лишь косвенным благоприобретателем сталинско-бериевской кампании по дисциплинированию НКВД.

Savin A., Teplyakov O. «Партия може помилятися, а НКВС – ніколи». Співробітники УНКВС по Одеській області на лаві підсудних (1939–1943 рр.)

Досліджується діяльність співробітників УНКВС по Одеській області в період «Великого терору», їхня подальша доля. Вказується, що засудження співробітників держбезпеки залишалося внутрішньовідомчим процесом і не приводило до скасування вироків щодо переважної більшості тих справ, які провели засуджені чекисти.

Ключові слова: «Великий терор», Одеська область, співробітники державної безпеки.

Savin A., Teplyakov O. «The Party May Be Mistaken, but NKVD – Never». Odessa Region NKVD Executives on the Prisoners' Dock (1939–1943)

Investigated the activity of Odessa Region NKVD officers during the Great Terror period, and their future life. It is pointed out, that judging the NKVD officers was internal process and did not lead to the review of judicial decisions on the cases, held by judged chekists.

Key words: The Great Terror, Odessa region, state security executives.